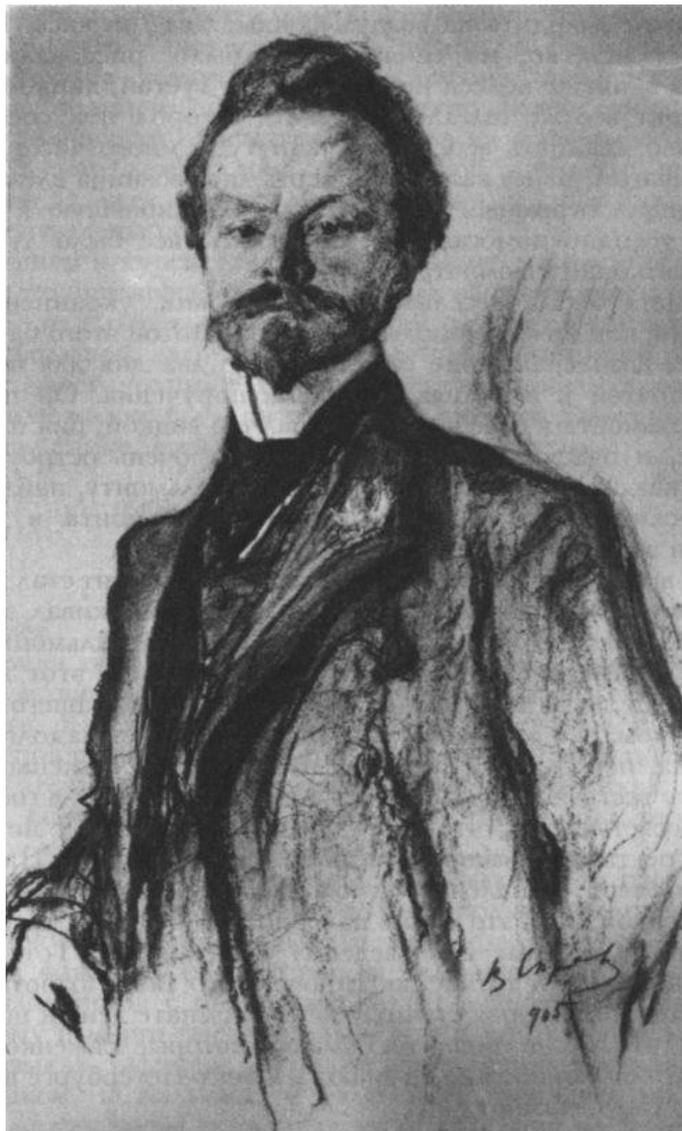

Константин Бальмонт: «Любил – еще люблю я – неземное...»¹

К. Д. Бальмонт. 1905 г. Рис. В. Серова

«Она менялась, любовь, многократно и много-разно, в нее входило всё больше ликов и всё больше сложности, но она не изменялась, любовь, ибо любовь измениться не может по существу своему. Она меняет только свою степень и свои одежды. Любовь первая есть и последняя. Любовь одна» (Константин Бальмонт – Екатерине Бальмонт). Любовь для поэта была

*в мгновенной прорези зарниц,
В крыле перелетевшей птицы,*

---

¹ Материал подготовлен на основе книги: Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания. — М., Издательство имени Сабашниковых, 1997. — 559 с.

*В чуть слышном шелесте страницы,
В немом лице, склонённом ниц,*

*В глазке лазурном незабудки,
В весёлом вскрике ямщика,
Когда качель саней легка
На свеже-белом первопутке,*

*В мерцаньи восковой свечи,
Зажжённой трепетной рукою,
В простых словах «Христос с тобою»,
Струящих кроткие лучи...*

(«Она»)

Константин Дмитриевич Бальмонт, полузапрещенный русский символист, родился 15 июня 1867 года в сельце Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губернии в семье помещика. Дом Бальмонтов, окружённый обширным садом, стоял на живописном берегу реки Тезы. Отец часто выезжал на охоту, и Костик ездил с ним.

«Первая любовь не непременно желанное лицо любимой, совсем не непременно девушка. Моя первая любовь – деревня, усадьба, где я родился и вырос. Моя первая любовь – насыщенное Солнцем, весеннее утро, и я сам, лет четырех, сидящий на родном балконе и любующийся душистыми большими кустами лиловой и белой сирени... мое утро, мое детство, с Солнцем, с весной, с цветами, с деревьями, с золотисто-голубым воздухом, с мелькающими веселыми живыми существами, которым хорошо и которых никто не трогает, – вот моя первая любовь».

В автобиографии он писал: «По семейным преданиям, предками моими были какие-то шотландские или скандинавские моряки, переселившиеся в Россию. Фамилия Бальмонт очень распространенная в Шотландии... Предками моей матери были татары. Родоначальником был князь Белый

Лебедь Золотой Орды. Может быть, этим отчасти можно объяснить необузданность и страстность, которые отличали мою мать и которые я от неё унаследовал, так же как и весь свой душевный строй».

Детство Бальмонта прошло в старинном барском доме с большим семейным шкафом, красивым легким диваном, большим количеством венских стульев для гостей. Дом был очень гостеприимным. В семье, где было семеро детей, много внимания уделялось воспитанию. Были гувернёры, которые учили иностранным языкам, музыке. Костик рано научился читать, в 9 лет поступил в Шуйскую гимназию, в подготовительный класс. В шестом классе гимназистов уличили в хранении запрещённой литературы. Бальмонту и ещё двум его товарищам пришлось уйти из гимназии. Мальчиков исключили якобы по состоянию здоровья и перевели во Владимир, поэтому Константин окончил Владимирскую гимназию и поступил в Московский университет на юридический факультет. Проучился он там ровно год. В это время начинаются волнения среди студентов, и он принимает в них активное участие. Его арестовывают, держат несколько дней в тюрьме, а потом отправляют в домашнюю ссылку в Шую, к маме, Вере Николаевне. Здесь он начинает писать стихи. А пока он находился в ссылке, Вера Николаевна затеяла большой литературный вечер – она была любительница домашних театров. На одну из ролей спектакля была приглашена Лариса Гарелина, дочь шуйского фабриканта. И Константин Дмитриевич, который был впечатлительный с ранних лет, сразу влюбился в эту девушку. Молодые люди подружились, завязалась переписка. Бальмонт пригласил ее на Рождество, и вскоре они обвенчались.

«Нежная и любящая, с нежным именем Лариса, она любила меня и была любима. Но она постоянно терзалась ревностью, хотя для этого не было никаких оснований. И жизнь наша слишком часто была пыткой. У меня было сильное нервное расстройство, лишавшее меня способности работать» (К. Бальмонт. «Белая невеста»). Он безмерно страдал в своей семейной жизни. Лариса Михайловна была истеричкой, с больной наследственностью от

родителей-алкоголиков. Она была подозрительно, болезненно ревнивой, и это отравляло его жизнь.

«Тяжелая личная драма показала мне любовь в демоническом лике, даже в дьявольском. С юношеской прямоотой и страстностью я решил, что мне нет места на земле. Несколько недель я обдумывал, как убить себя, и 13 марта я бросился с третьего этажа на камни, но смерть не взяла меня. Я лишь был весь разбит и переломан. Я пролежал в постели целый год. Я видел смерть лицом к лицу и понял, что смерти нет, что человек бесконечен в своих путях... И когда, наконец, я встал, душа моя стала вольной, как ветер в поле, никто уже более не был над ней властен, кроме творческой мечты, а творчество расцвело буйным цветом» (К. Бальмонт. «Воздушный путь»).

*Я - изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты - предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.*

*Я - внезапный излом,
Я - играющий гром,
Я - прозрачный ручей,
Я - для всех и ничей.*

Бальмонт, после того, как расстался с женой, начинает много писать. Он – символист, декадент, вокруг его имени – шумные литературные скандалы. Он востребован, приглашается в модные салоны, экзальтированные дамы сходят с ума от его стихов. И, конечно же, он – частый гость столичных поэтических вечеров.

Россия была влюблена в Бальмонта. Все от светских салонов до глухого городка где-нибудь в Могилевской губернии, знали Бальмонта. Его читали, декламировали, пели с эстрады. Кавалеры нашептывали его стихи своим дамам, гимназистки переписывали в тетрадки:

*Хочу быть дерзким, хочу быть смелым,
Из сочных гроздий венки свивать.*

Хочу упиться роскошным телом,

Хочу одежды с тебя сорвать!

Из воспоминаний Екатерины Алексеевны Андреевой-Бальмонт, второй жены поэта, известной переводчицы: «Мы встретились с Бальмонтом в первый раз в 1893 году у князя А. И. Урусова. Я тогда была занята исключительно Александром Ивановичем, была влюблена в него без ума и только потому обращала внимание на Бальмонта, что его хвалил и ценил Урусов.

А Бальмонт говорил, что его встреча со мной с первой же минуты решила его участь. Моя мать запретила нам приглашать Бальмонта к себе. Мы стали видаться с ним у моей подруги и у моей замужней сестры, которых я умоляла приглашать Бальмонта, когда я у них бывала. Обе они не верили, что мой роман с Бальмонтом серьезен и что я выйду за него замуж. Мне предложили поехать за границу со старшей сестрой, которая везла моего брата лечиться в Швейцарию, но с одним условием, чтобы туда не приезжал Бальмонт. После моего отъезда он так затосковал, что бросил работу, занял деньги и помчался прямо в Цюрих. Приехав сюда под вечер, спросил в городе, где гора. Ему показали на самую высокую вершину над Цюрихским озером. И он, не долго думая, пошел пешком, напрямки, без дороги полез вверх, не зная, что гора эта очень высокая и что туда есть фуникулер. В дороге его застала ночь, и он лез по козьим тропам, обрывался, скатывался в ямы, поднимался и лез опять. Он разорвал свой единственный костюм, башмаки, потерял шляпу, исцарапал в кровь руки».

«Я нашел такое счастье, какое немногим выпадает на долю, если только выпадает (в чем я сомневаюсь). Я люблю в первый и последний раз в жизни, и никогда еще мне не случилось видеть такого редкостного сочетания ума, образованности, доброты, изящества, красоты и всего, что только может красить женщину... Этот год я золотыми буквами запишу в книге своей жизни» (К. Бальмонт. Из письма матери. 28 августа 1895 года)

Одна родственница Екатерины Алексеевны, угадывая, что её брак с Бальмонтом не по душе матери невесты, сказала, что «Бальмонт ужасный

человек, что, говорят, он бил свою первую жену», на что мать Екатерины очень спокойно ответила: «Ну, это не страшно, Катя сумеет с ним справиться, если до этого дойдет». В 1896 году после свадьбы молодые из Петербурга прямо поехали в Биарриц.

Большую часть своей жизни Бальмонт вместе с Екатериной Алексеевной провел за границей. Живя в Париже (на положении политического эмигранта), он посещает Англию (Оксфорд), Бельгию, Голландию, Испанию, Италию. Он читает публичные лекции о русской и западноевропейской литературе, изучает языки, пишет и переводит. Из Италии Бальмонт писал: «Милая мама, собирался тебе писать из Флоренции, где мы пробыли около двух недель, но в буквальном смысле от красоты слег в постель... Теперь мы здесь, в Риме, в сказочной столице погибшего мира, призрачных волнений и светильнице неумирающего искусства. Как я понимаю Гете, который приехал в Италию, чтобы освободиться от себя! Здесь кажется нереальным все будничное, чем живешь ежедневно. Я не в силах описывать того, что вижу, у меня нет слов, я как пилигрим пришел, наконец, к чудотворным местам и могу только произносить „ох“ и „ах“! Но Боже, до чего я соскучился по России! Все-таки нет ничего лучше тех мест, где вырос, думал, страдал, жил. Весь этот год за границей я себя чувствую на подмостках, среди декораций. А там — вдали — моя родная печальная красота, за которую десяти Италий не возьму».

Молодые сживались трудно. Бальмонт привык, что его первая жена следила за ним, подсматривала, распечатывала его письма, рылась в его бумагах. Очень скоро, через несколько месяцев, убедившись, что Екатерина ничего такого не делала ни при нем, ни без него, он стал доверчивее, а потом уже у него не стало тайн от неё. «Когда я больше узнала его, мне стало легко с ним жить. Характер у него был кроткий, незлобивый. За всю нашу жизнь я не слыхала от него грубого слова, и, как отец его, он никогда не возвышал голоса... Он был необычайно правдив, никогда не лгал и не умел притворяться, просто до смешного. Неровность его настроений, его капризы зависели, главным образом, от его нервности и повышенной

впечатлительности. Жили мы мирно и буржуазно с «декадентом» Бальмонтом, о диких выходках которого в Москве ходили невероятные легенды» (Е. Андреева-Бальмонт).

Е. А. Андреева-Бальмонт с дочерью Ниной.

В комнате у него всегда был идеальный порядок, который он сам поддерживал. Вещей было мало: письменный стол небольшой (Бальмонт не любил ничего громоздкого, массивного), два стула, диван, на котором он спал, шкафчик для белья и платья и полки с книгами по стенкам. Книги он любил как живые существа, не терпел пятен на них, загнутых страниц, отметок на полях. Переставал давать свои книги даже хорошим знакомым, тем, кто не считал преступлением «зачитать» чужую книгу, то есть потерять ее или просто не вернуть собственнику.

У него всегда стояли живые цветы, подношения дам, самые разнообразные. Иногда большой букет, иногда один цветок. Бальмонт любил приводить изречение японцев: «Мало цветов — много вкуса».

«Стихи возникали у него мгновенно, как будто непредвиденно для него самого: от созвучья слов, произнесенных кем-нибудь случайно, от взгляда,

цветка, шороха, запаха... Сидит, рассматривает нарциссы, стоящие перед ним. Смотрит долго и начинает отбивать ритм пальцами:

Точно из легкого камня иссечены,

В воду глядят лепестки белоснежные...» (Е. А. Андреева-Бальмонт)

Он жил мгновением, и довольствовался этим. Он то взывал к Христу, то к Дьяволу, то воспевал Зло, то Добро, то склонялся к язычеству, то преклонялся перед христианством. Поэт Вячеслав Иванов так говорит в своей статье о Бальмонте (газета «Речь», 24 марта 1912 года) об этой «смене мгновений»: «В Бальмонте это не есть только любование отдельными явлениями и наслаждение ими, а утверждение в себе и в мире солнечной энергии, той энергии, за которой стоит божественная любовь».

Сам Бальмонт писал жене об этом так: «1920. 20 марта. Ночь. Вербная Суббота. ...Я был в нашей церкви и думал о тебе. Я люблю службу Вербной Субботы и фигуры молящихся с ветками вербы в руках. Если бы такого элемента было больше в христианском богослужении, я более чувствовал бы себя христианином. Я хочу в молитвенности присутствия Солнца, Луны, Звезд, Океана, магии Огня, цветов, музыки. Ведь я многогранный, ты это знаешь, и во мне совмещается христианин и нехристианин...Моя душа везде, и, когда допевались сейчас в озаренной церкви сладчайшие тихие песнопения, я чувствовал острые закраины кратеров Луны, и какой-то голос внутри меня говорил со спокойной убежденностью:

Я чувствую, что я древнее, чем Христос,

Древнее первого в столетьях Иудея,

Древней, чем Индия, Египет и Халдея,

Древней, чем первых гор пылающий откос.

С именем Бальмонта, «талантливый поэт», всегда связывалось представление как о человеке беспутном, пьянице, чуть ли не развратнике. Только близкие друзья знали его настоящего и любили не только как поэта, но и как человека. Общась с ним долгие годы, они сохранили к нему уважение и приязнь. Откуда такое противоречие в суждениях о Бальмонте? Это происходило

от того, что в Бальмонте жило два человека. Один – благородный, возвышенный, с детской нежной душой, и другой – когда он выпьет вина, полная его противоположность. «Бальмонт не выносил алкоголя ни в каком виде, ни в каком количестве. Это была его болезнь, его проклятие. Вино действовало на него как яд. Одна рюмка водки, например, могла его изменить до неузнаваемости. Вино вызывало в нем припадки безумия, искажало его лицо, обращало в зверя его, обычно такого тихого, кроткого, деликатного» (Е. Андреева-Бальмонт).

А еще он любил женщин и цветы. «Все цветы красивы», — сказал он в одном своем стихотворении. И все женщины казались ему привлекательными. Влюблялся он мгновенно. Его всегда окружали восторженные поклонницы и почитательницы, «целый разряд барышень и юных дам „бальмонтисток“», — вспоминал соседствовавший с Бальмонтом Б. К. Зайцев. «Есть что-нибудь в любви несомненное – это именно власть проникать в душу другого до самых далеких потаенных её уголков – каждым жестом говорить – в каждом взгляде видеть долгое признание. До тебя я не знал, что такое любовь, я знал только страсть. В глазах тех женщин, которым я обманчиво говорил "люблю", не было той чистоты и глубины, где теперь навсегда утонула моя душа», - это одно из его признаний Екатерине Алексеевне, «милой Кате», как любил называть её Бальмонт. Но эта любовь не спасла их обоих от разочарований.

Встреча Бальмонта с Еленой Цветковской была для неё роковой. Она знала его стихи наизусть, он был ее любимым поэтом. Елена училась в Париже, была студенткой-математичкой. Бальмонта она сразу поразила и очаровала своей необычностью. Он восторженно писал о встрече с ней. Ей тогда было девятнадцать. Молчаливая, сдержанная, с очень хорошими манерами, с оригинальным бледным лицом. Ее наружность поражала своей необычностью даже в Париже. Елена ухватила за Бальмонта страшно цепко, со всей силой своей первой страсти. Она отдалась ему сразу и всецело, без колебаний и раздумий. Это подействовало на Бальмонта сильнее всего. Она выказывала ему свое обожание при всех, ни с кем и ни с чем не считаясь. Она

следовала за ним всюду как тень, исполняя все его желания, прихоти, в каком бы состоянии он ни был. Сидела с ним в кафе, пила с ним то, что он пил...

Однажды она, больная фурункулами, в легком платье, примерзла к скамейке на бульваре в Париже, где ему вздумалось сидеть очень долго ночью, и, вставая, содрала вместе с платьем кожу... Когда ему надоедало бродить ночью по улицам, она вела его к себе в комнату, где тотчас же появлялось вино и фрукты. «Для меня Бальмонт был «Костя», «Костюня». Для Елены — «Поэт», «Ветер сердца», как она его называла. Она поселялась рядом, где бы мы ни жили: в Париже, Петербурге, Москве. Она бросила свои занятия, все ее время уходило на служение Бальмонту» (Е. Андреева-Бальмонт).

«Воли мне хочется, воли, летать на крыльях, в своих неукротимых причудах и беспутствах столько раз тебя ранил, что, падая сейчас перед тобой на колени, говорю: бессмертная моя любовь, моя Катя, моя радость, мое счастье, моя Беатриче, нужно было быть тобою, чтобы не бросить меня, не разлюбить, или не сойти с ума, или не умереть. Благодарю судьбу, что она послала тебя как свет неугасимой любви в мою спутанную жизнь» (15 сентября 1924 года)

«Так жизнь не могла продолжаться. Я ясно видела, что она губит Бальмонта. Но где был выход? Одной из нас надо было отойти: Елене или мне? Елена прямо сказала, что не может жить без Бальмонта, лучше покончить с собой. Шел десятый год нашей совместной жизни, мирной и для меня счастливой, и я все на что-то надеялась. Но когда узнала от Бальмонта, что Елена в ожидании ребенка, я бесповоротно решила расстаться с ним. И сказала ему это.

Он стал тогда пить. И в невменяемом состоянии прыгнул с балкона со второго этажа на мостовую, не разбился, только сломал себе левую ногу...

Наша душевная близость, наша дружба, его постоянное внимание ко мне и к моим близким не только не ослабели, напротив, возрастали с годами. Он тосковал, не выносил долгой разлуки со мной, писал мне каждые два-три дня в продолжение всей жизни... Конечно, случались неловкости («Какая же это

еще жена? Я видел его с маленькой, худенькой... А, это вторая, какая же первая?»), но мы с Бальмонтом не придавали этому значения» (Е. Андреева-Бальмонт).

Путешествовал он уже с Еленой. Был с ней в Мексике, в Африке, Индии, Египте, Японии. Разъезжал много и по Европе. Он стал много зарабатывать и мог себе это позволить. Но поэта всегда тянуло на родину, в Россию. «Что за красота видеть розовый океан, скалы, окутанные горным грозным туманом, и кровавую полосу на небе... Все это красиво, но еще лучше будет, когда все это, много времени спустя увидишь в душе своей, как сон, под свист северной вьюги, родной и печальной, говорящей о чем-то таком грустном, таком задумчивом, что об этом нельзя говорить словами» (Константин Бальмонт. «Этот волнующий красный»)

*Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.*

*Приди на рассвете на склон косогора,-
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.*

(«Безглагольность»)

Два кругосветных путешествия, поэтическое турне по России и Европе. В то же время Бальмонт написал и перевел фантастически много. Кроме того, что он божьей милостью лирический поэт, он еще и великий труженик. Бальмонт написал 35 книг стихов, 20 книг прозы, его переводы составляют более десяти тыс. печатных страниц. Он переводил на русский Эдгара По, Шарля Бодлера, Сервантеса, Кальдерона, Калидаса, Шелли. Многочисленные переводы, бывшие результатом путешествий Бальмонта, в большинстве случаев делались с подлинников: он знал 16 языков. А в представлении

литературоведов он остался как поэт необыкновенно музыкальный, яркий, но неглубокий. Долгое время господствовало мнение о том, что Бальмонт, который, по словам Брюсова, «десятилетие безраздельно царил в русской поэзии» (имеются в виду с 1895 по 1905 годы), потом начал деградировать, «кружиться» в одной и той же орбите. А умер он в 1942 году. Получается, он 38 лет перепевал самого себя? Это заблуждение, основанное на том, что книги поэта 1910-х годов и эмигрантские сборники в России никогда не переиздавались. В 1930-е годы по разрешению Сталина был издан перевод Бальмонта поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Название поэт перевел как «Носящий барсову шкуру». Это была последняя книга Бальмонта, изданная в России. Несколько поколений знало поэта как белого эмигранта, врага советской власти. В 1969 году вышло издание стихотворений Бальмонта в Большой серии Библиотеки поэта под редакцией В.Н. Орлова. Потом в 1980-е годы появилась книга «Избранное» со вступительной статьей Л. Озерова. Эти книги были редкостью, и с трудом добывались. А в 1990-е годы хлынул поток возвращенной литературы. Появилось огромное количество избранных стихов, ориентированных на широкий круг читателя, недавно выпущен даже семитомник Бальмонта, содержащий в себе много ошибок. Вопрос же о сколько-нибудь научном издании поэта остается открытым.

Мало кто знает, что Константин Бальмонт был одним из 3-х русских поэтов, номинированных на Нобелевскую премию, а четвёртый поэтический сборник Бальмонта «Будем как Солнце» (1902) разошёлся тиражом 1800 экземпляров в течение полугода, что считалось неслыханным успехом для поэтического издания, закрепил за автором репутацию лидера символизма и считается его лучшей поэтической книгой. Блок назвал её «книгой, единственной в своём роде по безмерному богатству».

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце

И синий кругозор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце

И выси гор...

Мою мечту страданья пробудили,

Но я любим за то.

Кто равен мне в моей невучей силе?

Никто, никто.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,

А если день погас,

Я буду петь... Я буду петь о Солнце

В предсмертный час!

Бальмонт был вольнолюбивым человеком. Он не без основания считал себя старым революционером, но Октябрьскую революцию не принял. Революция для него стала воплощением террора и насилия. А еще он был против деления людей на классы. В книге «Революционер я или нет» Бальмонт отрекается от своих политических стихов и приходит к выстраданному выводу, что «не революцией, а эволюцией жив мир».

«Никакая революция не дает ничего, кроме того, что было бы в свой час достигнуто и без нее. А проклятия, которые всегда приводит с собой и за собой каждая революция, неисчислимы. Из пролития крови всегда возникает лишь новая пролитая кровь» (К. Бальмонт. «Где мой дом»).

В 1920 году поэт уехал из страны. Планировал поехать туда на полгода – быть рядом с заболевшей чахоткой Еленой Цветковской. Бальмонт рассчитывал вернуться, потому что в России осталась вторая жена Екатерина Андреева, дочь Нина (Ниника). Однако временный отъезд из России обернулся для поэта долгими годами эмиграции. Екатерину и их дочь он больше не увидит.

«Изгнанник ли я?.. Я не бежал, я уехал. Я уехал на полгода и не вернулся. Зачем бы я вернулся? Чтобы снова молчать как писатель? В теперешней Москве нельзя жить... Видеть как мои близкие умирают от голода и холода? Нет, я этого не хочу. Но нет дня, когда бы я не тосковал о России, нет часа,

когда бы я не порывался вернуться. И когда мне говорят мои близкие и мои друзья, что той России, которую я люблю, все равно сейчас нет, мне эти слова не кажутся убедительными. Россия всегда есть Россия, независимо от того, какое в ней правительство, независимо от того, что в ней делается, и какое историческое бедствие или заблуждение получило на время верх и неограниченное господство... Там говорят "до свиданья", "милый", "прощай", "люблю", и на лесной опушке кличет эхо, которое откликалось мне, когда еще мир казался добрым и вся жизнь казалась тайной» («Без русла»)

Константин Бальмонт умер 23 декабря 1942 года. Похоронили его на французском кладбище. Шел дождь, в могиле стояла вода. На надгробной плите написали: «Константин Бальмонт. Русский поэт».

Материал подготовила В. Снегирева